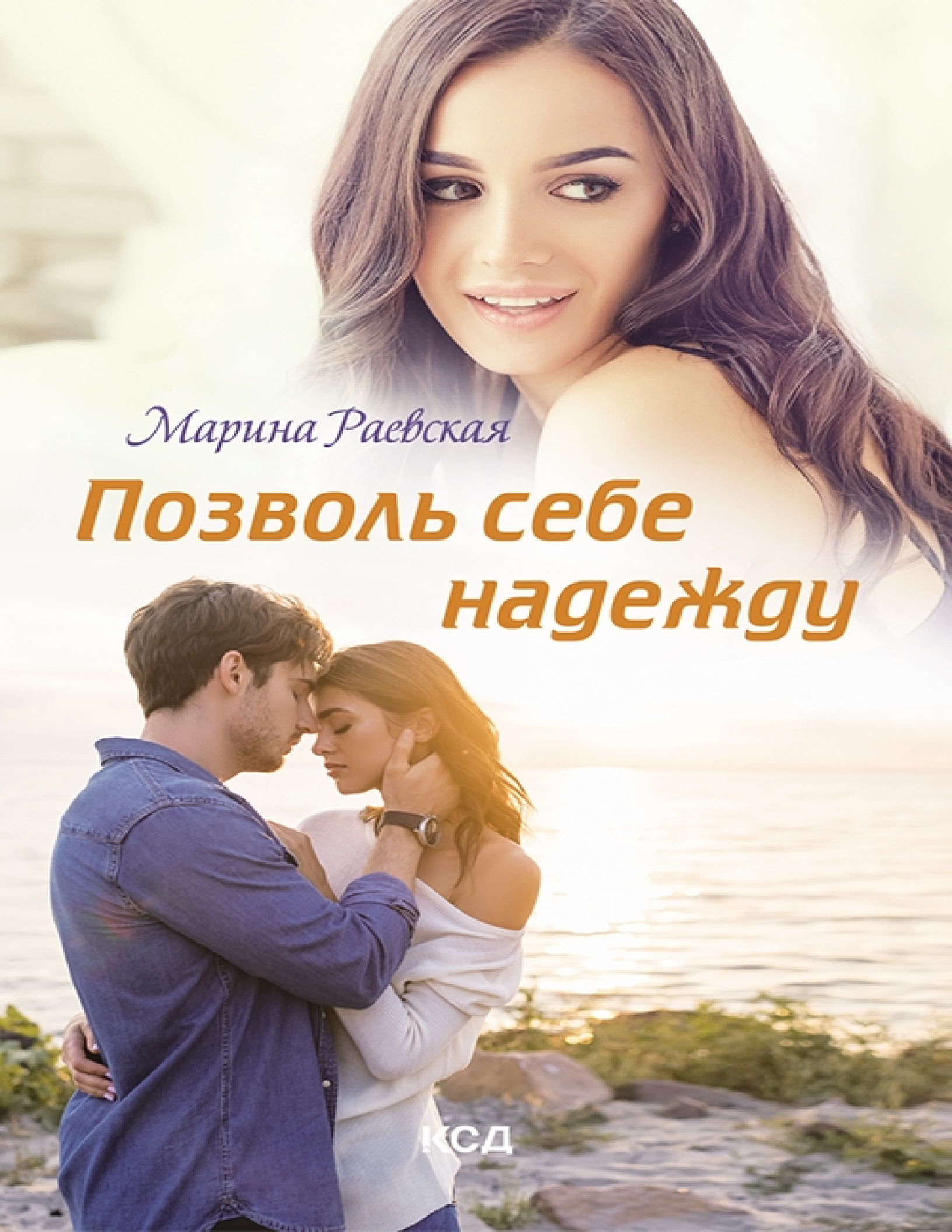

Позволь себе надіжду

Оля и Лера вместе учились в школе, потом — в медицинском. Умные, красивые и... одинокие. Мамы подруг уже отчаялись найти им кавалеров. Но однажды Оля узнает, что в ее жизни всё может измениться, если она вернет утраченную любовь троим неизвестным женщинам. Пока она не найдет их и не исправит некогда совершенную ошибку, не видать ей счастья. Оля, конечно же, не верит в мистическую ерунду. Но Лера решительно настроена «починить» судьбу подруги! Так что Оля, хоть и со скепсисом, принимается за поиски. Тем более что недавно она познакомилась с интересным мужчиной...

Марина Раевская

**Позволь себе
надежду**

КСД

Марина Раевская

***Позволь себе
надежду***

Роман

ХАРЬКОВ
2022 КСД

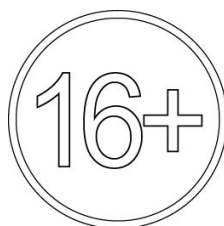

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
2022

ISBN 978-617-12-9539-1 (epub)

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Электронная версия создана по изданию:

Дизайнер обложки Анастасия Попова

Оля й Лера разом навчалися у школі, потім — у медичному. Розумні, гарні та... самотні. Мама подруг уже зневірилися знайти їм кавалерів. Але одного разу Оля дізнається, що в її житті все може змінитися, якщо вона поверне втрачене кохання трьом невідомим жінкам. Поки вона не знайде їх і не виправить помилку, не бачити їй щастя. Оля, звичайно ж, не вірить у містичну дурницю. Водночас Лера рішуче налаштована «полагодити» долю подруги! Тож Оля, хоч і зі скепсисом, береться до пошуків. Ба більше, нещодавно вона познайомилася з цікавим чоловіком...

Раевская М.

Р16 Позволь себе надежду : роман / Марина Раевская. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2022. — 336 с.

ISBN 978-617-12-9373-1

Оля и Лера вместе учились в школе, потом — в медицинском. Умные, красивые и... одинокие. Мама подруг уже отчаялись найти им кавалеров. Но однажды Оля узнает, что в ее жизни всё может измениться, если она вернет утраченную любовь троим неизвестным

женщинам. Пока она не найдет их и не исправит некогда совершенную ошибку, не видать ей счастья. Оля, конечно же, не верит в мистическую ерунду. Но Лера решительно настроена «починить» судьбу подруги! Так что Оля, хоть и со скепсисом, принимается за поиски. Тем более что недавно она познакомилась с интересным мужчиной...

УДК 821.161.1(477)

© Лесовикова Е. Э., 2021

© DepositPhotos.com / OvcharenkoViktorija, HayDmitriy, обложка, 2021

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2022

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2022

Нине с благодарностью и любовью

От автора

Эту историю я не придумывала. Все, о чем я хочу рассказать, происходило с моими (и вашими, наверное) друзьями и приятелями в нашей стране и в наше время. Поэтому кто-то наверняка узнает главную героиню, кто-то — главного героя, а кто-то — и самого себя.

Да и какие могут быть выдумки, если жизнь подкидывает такие встречи, устраивает такие совпадения, закручивает такие сюжеты, что ни у одного автора не хватит на это воображения.

Глава первая

Конечно, ни для кого уже давно не секрет, что врачи тоже люди. У них могут случаться неприятности, они могут быть везучими и невезучими, обожать семью и домашних животных, дружить и верить в дружбу. Могут влюбляться и расставаться... Впрочем, как и обычные люди.

Наша история началась в кабинете районной поликлиники. Но речь пойдет вовсе не о загадочных и неизлечимых болезнях. Даже более того, мы изо всех сил постараемся об этих самых болезнях не рассказывать. Хотя, увы, совсем без этого не сможем.

А станем мы рассказывать об Оле, Ольге Викторовне Крыловой, если уж совсем официально. Она хирург, и неплохой. Ведущий сосудистый хирург специализированного отделения в огромной клинике, решительная и временами даже резкая. При этом недурна собой, перешагнула тридцатилетний рубеж, скажем так, отнюдь не вчера и... не замужем.

Конечно, у нее, как у почти всех взрослых девочек, бывали и влюбленности, и даже попытки семейной жизни разной степени тяжести. Но вот сейчас она решительно одна и, кажется, даже не надеется что-то изменить в своей жизни. Во всяком случае, не предпринимает для этого решительных многочисленных шагов, как того требует Вера Ильинична, Олина мама. Но лучше все-таки по порядку.

Это было в начале лета прошлого года. Оля мечтала об отпуске. Мечтала, как всегда, деятельно: пусть и с боем, но подписала сначала у заведующим, а потом и у главврача заявление, купила новый чемодан, забронировала путевку к теплему морю (рассчитывая выкупить ее из полученных отпускных). И вот теперь досиживала последние дни, с надеждой посматривая на календарь.

Начальство, вероятно, осознавая вину перед Олей, на последнюю предотпускную неделю отправило ее в комиссию по диспансеризации.

Для нашей героини это был уже почти отпуск, во всяком случае определенный отдых. Да, бумаг было море, но зато пациенты обходили ее десятой дорогой. Вернее, они появлялись в кабинете на несколько

минут, скупо отвечали на вопросы, нехотя позволяли себя осмотреть и исчезали с заветной печатью.

Заканчивался рабочий день среды. Под дверью уже никого не было, Оля с облегчением поставила последнюю точку в последней на сегодня карточке и потянулась. Часы честно показывали начало шестого. Впереди был огромный теплый вечер — неторопливая прогулка под каштанами домой, ледяной сок из холодильника, возможно, новое кино...

Но больше ничего придумать Оля не успела. Распахнулась (а не приоткрылась робко) дверь в кабинет. И на пороге появился шкаф. Во всяком случае, так в первое мгновение показалось Оле.

Правда, уже через секунду она поняла, что это просто пациент — крупный, высокий, широкоплечий, какой-то весь прямоугольно-угловатый. А вот лицо у пациента было нормальным, человеческим — улыбающийся парень смотрел с высоты своих двух метров с чуть искательной улыбкой.

— Ой, здрасьте...

— Добрый вечер.

Оля сделала ударение именно на слове «вечер» — дескать, приходите завтра, юноша. Но молодой человек намека не понял (ну, или сделал вид, что не понял).

— Мне бы тут...

— Простите, но на сегодня прием уже закончен. Давайте завтра, после девяти.

— Ну-у... — Судя по всему, потенциальный пациент не готов был приходить сюда еще раз. Так, во всяком случае, поняла Оля.

— Пожалуйста, молодой человек! Завтра с девяти до шестнадцати тридцати... — Оля подошла к двери, чтобы выдвинуть посетителя обратно в коридор.

Улыбающийся шкаф, напротив, сделал полшага вперед.

— Та я... я был уже здесь. — Голос посетителя Оле понравился. — Просто тогда тут сидел старенький такой дядечка...

— И что? — Мечта о спокойном вечере отодвигалась все дальше и дальше.

— Так он мне велел прийти сегодня. Ну, за карточкой. Захожу, а тут такая краля...

Олю не то чтобы покорило слово «кряля», но... Да, красавицей она себя не считала, но была уверена, что недурна. Да и зеркало, в общем, с ней соглашалось.

— Молодой человек, что вам нужно? — Терпение Олю уже почти покинуло.

— Так карточка же... Дедуля сказал прийти ближе к шести, вот я и пришел. А тут...

— Да, я поняла, «кряля», а не дедуля. Ваша фамилия?

Карточек, конечно, было предостаточно. Зачем этому шкафу вообще понадобились медицинские записи, Оле было неинтересно. Ну понадобились — и хорошо. На одного клиента меньше. То, что перед ней не пациент, а именно клиент, Оля поняла сразу.

— Павлов... Дмитрий...

— Та-ак. Дмитрий Ильич? Год рождения восемьдесят второй?

— Да, все верно.

Шкаф оказался почти Олиным сверстником. Она с некоторым усилием извлекла карту (которую, говоря по совести, отдавать пациентам вовсе не полагалось) и сунула ее в руки господину Павлову.

— Пожалуйста! И всего доброго!

— Спасибо, быстро вы...

— Всего доброго! — повторила Оля. Она уже кипела, но пока что «на малом огне», крышку не срывало.

— А-а-а, да-да. Пока!

Наконец шкафоподобный Павлов покинул кабинет. И Оля с чистой совестью стала собираться домой.

Но домой она попала далеко не сразу — ее сверстник, похожий на шкаф господин Павлов, ждал ее у дверей поликлиники с цветами. И оказался он совсем не валенком, а очень славным мужиком — щедрым, внимательным, ласковым. Одним словом, первое впечатление в этот раз Олю здорово обмануло.

Конечно, в отпуск они поехали вместе и потом встречались сначала каждый день, потом почти каждый день до начала сентября. Потом, правда, забот стало так много, что время для встреч пришлось не то чтобы выкраивать — выгрызть у адски заполненного расписания. Но все же встречались — и было им вместе славно и уютно.

Оля была счастлива. Впервые в жизни не она предпринимала усилия для сближения и обождения, впервые не от нее исходила инициатива.

Она просто наслаждалась каждым днем и каждым часом, проведенным с Димой, Димочкой. Ее не смущало то, что Дима неохотно рассказывает о прошлом, не знакомит ее со своими друзьями и почти никогда не зовет к себе домой. Мало ли какие у человека могут быть причины умалчивать о чем-то...

Прошло почти полгода, прежде чем Оля с Димой, светло улыбаясь друг другу, вошли в ЗАГС, чтобы подать заявление. Это был самый конец апреля, но днем бракосочетания они выбрали начало июня — Ольгина мама умоляла дочь: «Только не в мае, Оля!» К свадьбе особенно не готовились: оба не уважали многолюдные сборища и все эти съезды родственников и банкеты на триста персон. Оля заказала столик в уютном и любимом кафе, Дима полностью согласился с Олиным выбором, как меню, так и места для празднования. В день визита в кафе он освободиться не смог — как мы помним, с приходом осени у обоих вдруг стало невероятно много работы. Теперь виделись они реже, но менее радостными встречи не становились.

Правда, Олю немного смущало, что Дима все никак не соберется перевезти к ней свои вещи — и даже зубную щетку возит с собой в сумке. Но и это, приходила к выводу Оля, теоретически можно понять. Да и где будет проходить их совместная жизнь, определиться они еще успеют.

Конечно, она уже прикинула, как переставить мебель в ее квартире, чтобы обоим нашелся уголок для «уединения», — Оля была уверена, что личное пространство людям в их возрасте нужно обязательно. Она, тоже мысленно, уже распланировала, что из Диминых вещей и мебели надо будет перевезти к ней, как сделать ремонт, чтобы Димину квартиру можно было бы сдавать... (Хотя в этой самой квартире была всего пару раз, но девочкам, с этим согласится любой, и не нужно больше времени, чтобы осмотреться и определиться. К тому же Олина профессия тут тоже давала себя знать — внимание, отлично развитая память и столь же отлично тренированная решительность...) Само собой разумеется, сдавать только до тех пор, пока не понадобится продать их две небольшие квартирki, чтобы купить для разрастающейся семьи что-то посolidнее.

И вот наконец пришел ТОТ САМЫЙ день. Оля и Дима встретили его каждый у себя, договорившись, что приедут в ЗАГС порознь, а вот

уедут, конечно, вместе.

Глава вторая

А теперь пришла пора познакомиться с Олиным окружением. Конечно, не со всем, ведь это сотни и сотни людей (напомним, что Оля весьма недурной врач). Но сейчас мы увидим только самых-самых близких: Олиных родителей и ее лучшую подругу Леру.

С Леры мы и начнем, тем более что ей предстоит сыграть в нашей истории далеко не последнюю роль.

Когда-то Оля и Лера посчитали, что знают друг друга больше половины жизни, а точнее, почти две ее трети. Чтобы не утомлять расчетами, скажем сразу, что девочки были одноклассницами — сидели за одной партой, вдвоем сбегали с ненавидимой физкультуры и с удовольствием ходили на «труды». Учились обе не блестяще, но вполне хорошо. После школы так же дружно пошли работать, обе в больницу — ведь, не без родительского влияния, они были уверены, что профессия врача, миссия спасения человека самая почетная и самая нужная. Так как ни особых денег в семьях девочек не было, ни особыми связями их семьи не обзавелись, они пошли самым длинным путем: днем работали нянечками, вечером готовились к поступлению.

Поступили в медицинский девушки тоже одновременно и на один и тот же факультет, оказались в одной группе и продолжили сидение за одной партой. И расстались далеко не сразу — хотя характеры у них были разные. Оля, ведущая в этой паре, выбрала нелегкую и не совсем женскую профессию хирурга. Лера, куда более мягкая и уступчивая, имела к тому же философский взгляд на мир, всегда задумывалась о первоисточниках всего существующего (и Оля, конечно, немало подтрунивала над этим). Так взгляд на мир и привел Леру в эпидемиологию. Ей было интересно буквально все, и больше всего девушке хотелось, чтобы ее знания никогда и никому негодились.

К несчастью, государство никогда достойно не оплачивало ни усердие студентов при обучении, ни труд врачей. Поэтому и Оля, и Лера продолжали подрабатывать в той же больнице, откуда начался их «трудовой путь». И уже ближе к выпуску обоим предложили остаться (вернее, главврач сказал им, чтобы не морочили голову и перед выпуском не увольнялись, а уж место для них найдется). С хирургией у Оли все получилось относительно просто —

интернатура и потом место в отделении словно ждали девушку. А вот Лере повезло меньше, и впервые за много лет девушки разошлись — красивая и такая нужная Лерина специальность оказалась далеко не столь востребованной, как об этом говорили в институте. Правда, сама девушка не очень расстраивалась — выходило, что с иммунитетом и устойчивостью к всевозможным эпидемиям у населения все в порядке. А что может быть для врача лучше, чем безделье из-за отсутствия больных? И Лера спокойно пошла в лабораторию рядовым специалистом.

С тех пор прошло, скажем осторожно, несколько больше десяти лет. Оля теперь ведущий хирург, Лера заведует лабораторией в клинике. И они по-прежнему почти каждый день идут на работу вместе.

А теперь посмотрим на Олиных родителей. Мама, Вера Ильинична, не так давно вышла на пенсию. Она всю жизнь проработала в библиотеке и потому обо всем в этом мире отлично знала (хотя честнее было бы сказать, что ДУМАЛА, что знает все и обо всем). Отец мудро с женой не спорил, хотя уж он-то (Оля в этом была просто убеждена) на самом деле знал практически все на свете. Олин папа до сих пор преподавал в институте, мечтал о том, что студенты начнут учиться или хотя бы читать книжки.

Конечно, Олины родители расстраивались из-за того, что дочь все еще одна — и никакие увещевания этой самой дочери, сводившиеся к тому, что ей, в общем, торопиться некуда, что всему свое время и ей неплохо одной, на них не действовали. Олин отец пару раз попробовал познакомить дочку с аспирантами и коллегами с соседних кафедр, но попытки оказались, мягко говоря, не очень удачными. И отец прекратил заниматься сватовством, за что Олина мама на него рассердилась и не разговаривала целую неделю.

Сама Вера Ильинична то и дело предпринимала попытки познакомить дочь с «мальчиком из приличной семьи» (вернее, разными мальчиками). И появление очередного сына очередной приятельницы приводило ее в состояние активной свахи — дочь должна была прибыть к месту randevu с «мальчиком» немедленно, вне зависимости от ее планов, загрузки на работе или всего того, что мама считала малозначительным для возможного будущего удачного брака. Причем каждый из найденных мамой (или при мамином участии) кандидатов по определению для дочери был «отличным вариантом».

Оля давно уже махнула рукой на мамины попытки — и кандидаты были... так себе, и мамино усердие утомляло. К тому же найденные «хорошие мальчики» тоже не особенно рвались жениться по маминому (бабушкиному, отцовскому или тетушкиному) выбору.

Но Вера Ильинична не сдавалась.

Однако появлению в жизни дочери уже описанного Димы мама не обрадовалась (хотя, казалось бы, должна была). И всем Олин выбор был нехорош — слишком высокий, слишком простой, неначитанный, просто слесарь, хоть и на уважаемом предприятии. За столом вести себя не умеет, руки просто не из того места растут (что вообще удивительно, но это же мамина точка зрения), Олю не любит — одного визита к родителям было достаточно, чтобы мама для себя все выводы сделала. Оля видела, что Дима родителям совершенно не понравился — папа пустился в философские рассуждения, а мама обиженно накрывала на стол, — но девушка так устала бороться за право распоряжаться собственной судьбой по собственному же выбору, что решила просто не обращать на это внимания. Пусть все идет как идет.

К Олиному удивлению, ровно через неделю мама сменила гнев на милость.

— Оленька, вы когда с Димой к нам придете?

Звонок раздался в тот самый момент, когда должна была начаться летучка.

— Господи, мама, не сейчас! Я перезвоню тебе через полчаса!

— Что, ты уже не хочешь с матерью говорить?.. — успела еще услышать Оля, прежде чем прервала разговор.

Главный не очень любил, когда коллеги отвлекались, поэтому она перевела телефон на беззвучный режим, но по вибрации понимала, что мама от попыток «поговорить» вовсе не отказалась.

Однако и освободившись, Оля не торопилась включать звуковой режим — она отлично знала маму и понимала, что такая резкая смена настроения грозит еще одним, а может, и не одним неприятным разговором. И под конец дня (после одиннадцатого непринятого звонка) сдалась, набрав домашний номер.

— Мам, привет.

— Только сейчас нашла время? Не могла раньше позвонить? — Интонации голоса Веры Ильиничны не предвещали ничего хорошего.

— Ма-ма, я на работе. — День выдался относительно спокойным, и Оля была само терпение.

— И что? Неужто для матери пяти минут жалко?

Оля промолчала. Подобные слова она слышала еще от бабушки — когда та звонила маме на работу, а теперь вот мама на ней отрабатывает уже отлично изученную тактику. Но сегодня разговор не пошел по накатанной колее, чему Оля сначала даже обрадовалась.

— Ну хорошо, — сменила Вера Ильинична гнев на милость. — Так когда вы к нам придете?

— Так мы же были в прошлое воскресенье, мам. И Дима ни тебе, ни папе не понравился. Вот я и подумала...

— Ты бы поменьше думала, детка! — Яду в мамином голосе позавидовал бы любой отравитель. — Значит, так, в субботу, послезавтра, мы ждем вас вечером...

Оля мысленно стала перелистывать календарь — неужели она позабыла о каком-то важном событии в семейной летописи? Но нет, до отцовского дня рождения было далеко, мамин прошел всего два месяца назад. День родительской свадьбы? Бабушкин день рождения?

— Именно в субботу? Вроде ж никакого праздника нет...

— Именно в субботу! И, конечно, праздник есть! Это и будет новый наш праздник, первый праздник вашей, деточка, семьи — у нас в субботу твой Дима должен сделать тебе предложение!

Тут Оля на какое-то время онемела. Димка, конечно, чудесный, стать его женой было бы и в самом деле неплохо. Но почему это надо делать у родителей и именно тогда, когда укажет мама, а не тогда, когда он сам решится?

И Вера Ильинична тут же ответила на этот вопрос:

— Иначе вы станете жить нерасписанными! И я умру от стыда перед тетей Светой и Галиной Валерьевной...

«Так во-от в чем дело! Мама, значит, умрет от стыда...» Оля стала закипать и собиралась закричать, но, оказывается, это было только начало монолога.

— ...у тети Светы уже скоро второй внук будет! У Валерьевны трое зятьев — и все чистое золото. А моя дочь мало того, что не замужем, так еще и намеревается жить с каким-то простым мужиком! Или расписывайтесь, или немедленно брось его! Вон у Софьи Васильевны Адик какой хороший! Отличный вариант!

Оля набрала полную грудь воздуха, чтобы ответить, но говорить ничего не стала: и бессмысленно — мама ничего не услышит, и противно. Тем более что разговор-то на работе, вокруг люди. Не стоило посвящать их в сложности отношений с истеричной мамочкой.

— Хорошо, мам, — сказала Оля. — В субботу у вас. Если что-то изменится, я в пятницу тебе сообщу!

— Да что может измениться?..

Но Оля уже прервала разговор, не дослушав очередного монолога матери.

К счастью, отец в материны матримониальные планы не вмешивался. То ли лень было с женой спорить, то ли он во всем с ней соглашался. Одним словом, мама перла как танк, отец молчал. А Оля, единственная и любимая дочь, замуж не собиралась — при этом Вера Ильинична была убеждена, что исключительно назло ей.

Глава третья

Вот теперь, когда мы чуть ближе познакомились с Олиными близкими и чуть лучше разглядели саму Олю, можно продолжить ее историю.

Кстати, в ту субботу Оля с Димой до родителей не добрались. При этом причина была весьма уважительной, и мама даже не стала возмущаться. Дело было в том, что Оля простудилась. Как все нормальные люди, она решила не звать на помощь коллег, а излечиться самостоятельно. Коллег она, что вовсе уж странно для врача, немного побаивалась — возможно, потому, что помнила, как училась в институте сама и как учились ее сокурсники.

Ну, казалось бы, совсем ерунда. Пару дней дома, с теплым питьем и банальными таблетками — и все пройдет. Примерно так рассуждаем мы все, примерно так рассудила и Оля. Разве что лечиться таблетками она не любила, предпочитая «домашние средства», иногда самого бронебойного действия.

О бронебойном мы упомянули не зря. Женщина решительная, Оля выпила обжигающе горячего молока. И мгновенно посадила голос. Но это ее не остановило — к молоку она щедро добавила меда. И только потом вспомнила, что в детстве ее мучила аллергия и на мед, и на все, что имеет к нему отношение. К счастью, аллергия почти ушла... Ровно настолько, чтобы Оля горько пожалела о подобном методе лечения и нашла в себе силы выкинуть почти полную банку.

Дима ее не тревожил. В том смысле, что бросил трубку, услышав хриплый голос. И ответил только в телеграм на короткое Олино сообщение. Да и родители не примчались, чтобы полечить доченьку, чему она была только рада — маму трудновато выдержать и здоровому человеку, а уж если температура... Оля, если честно, подозревала, что мама могла и обидеться, решив, что дочка заболела «нарочно», чтобы отложить церемонию «предложения руки и сердца»...

Но мы что-то отвлеклись. Через пару недель Дима совершенно самостоятельно пришел к «правильному» решению, связался с родителями и, как в лучших мыльных сериалах, сделал при них предложение, которое Оля, конечно же, приняла.

А теперь пора нам вернуться в ТОТ САМЫЙ день. Один из первых дней июня.

До регистрации было еще море времени, но Оля уже нервничала. В общем, это понять можно — неужели сейчас все пойдет, как давно мечталось? И на этот раз никто и ничто не помешает ей наконец сказать «да»? Неужели всего через пару часов она станет замужней дамой, любимой и оберегаемой? Неужто сможет, болтая с замужними подругами или коллегами, наравне с ними произносить фразы «а мой вчера мясо стушил», «а мой рыбалку не уважает», «а мой сказал, чтобы я отдыхала, а сам всю посуду после праздника перемыл...».

Странные мысли иногда бывают у девочек, которые вот-вот станут женами, правда?

Чтобы не так сильно нервничать, Оля позвала Леру. Нет, не так. Было бы странно, если бы такой день Оля встретила БЕЗ Леры. Кто лучше Леры смог бы украсить Олино платье? Проверить, чтобы в сумочке были паспорт, помада и банковская карточка? Кто проверит, не забыла ли подруга телефон? Кто поможет дойти до такси, чтобы не измялись цветы на подоле платья?

К слову, цветы к подолу тоже пришивала именно Лера. И делала это в самую последнюю минуту, чем заставляла подругу нервничать еще больше, вместо того чтобы успокаивать.

Районный ЗАГС не только Оле, многим в их городе напоминал дворец пионеров: длинный коридор, комнатки по обе стороны, тупичок, переходящий в полукруглый зал с бойкими гипсовыми амурчиками на стенах. Хотя, возможно, амурчики были раскрашены не под пионеров, а под скаутов. Впрочем, это, согласитесь, разница небольшая.

Пары деловито сменялись у заветной двери в зал. Вот перед Олей и Димой четыре, вот три... Вернее, перед Олей и Лерой. Потому что Дима запаздывал. Он и в обычные дни не отличался чрезмерной пунктуальностью, но сейчас опоздание было уже довольно серьезным. Хотя еще не совершенно скандальным.

Оля сначала посматривала на дверь время от времени, потом демонстративно отворачивалась, потом стала смотреть не отрываясь. Но Димы видно не было. (Мы же помним о его габаритах — затеряться даже в самой густой толпе ему было бы совсем не просто.)

— Ну что, он не звонил? — в очередной раз, сжав в руке букет роз (и в очередной раз уколовшись о шипы), спросила Лера.

Оля отрицательно покачала головой. Телефон она давно уже держала в руке, но пока не решилась набрать Димин номер.

— Ну, может, пробка... — сочувственно прошептала Лера.

«Да какая пробка, господи...» — подумала Оля и сжала свой стильный букетик изо всех сил. Но сжала молча.

— Ну, может, ты все-таки позвонишь, Оль? Наверняка у него что-то случилось...

— Что? Что у него, шкафа трехстворчатого, могло случиться?! — заорала Оля.

— Ты чего? — Лера посмотрела по сторонам. — Чего кричишь? Да все что угодно! Сама же знаешь — даже от укуса комара люди умирают! А если, не дай бог, заноза... Это ж сепсис... Отек.

— Отек совести разве что, — пробурчала Оля.

Не то чтобы слова подруги ее успокоили. Но Лера, конечно же, была права — пока кричать не следовало. Да и не то место... Вот появится Дима, тогда после всего на него и можно будет поорать. За то, что пришлось ей торчать здесь, дура дурой, что не предупредил об опоздании.

— И вообще, он сегодня еще ни разу не позвонил, — пробормотала Оля. — Лерка, ты, похоже, права. Там что-то случилось...

Обе дамы отлично знали, что именно может случиться, — за столько-то лет в медицине они успели всякого насмотреться.

— Знаешь, а давай я выскочу, может, машина припарковалась за бульваром... Или просто парковку ищет... — предложила Лера.

— Давай, — вздохнула Оля.

И впервые за сегодняшний день набрала Димин номер. Но не услышала даже гудков. А через несколько минут милый дамский голос сообщил, что абонент не может принять звонок.

«Неужто решил на метро ехать?» — недоуменно подумала Оля.

И потом одернула сама себя — вдвоем же планировали, что Дима закажет машины, украсит их и после регистрации они вместе поедут в кафе. Точно что-то случилось! Хорошо, если просто телефон украли... А если он попал в ДТП? Или на него напали в подъезде?

И тут же мысленно затормозила — ну кто в здравом уме будет нападать на мужика ростом за два метра? Какое ДТП в тихом центре

посреди недели? И кому придет в голову красть телефон у этого шкафа?

И на второй, и на третий звонок Оле отвечал все тот же голос — абонент по-прежнему был недоступен и не мог принять ее звонок. В коридорчик вбежала Лера — по ней отлично было видно, что она именно бегала вдоль бульвара, от перекрестка до здания ЗАГСа, возможно, заглядывала в припаркованные машины, а возможно, искала под всеми лавочками тело исчезнувшего жениха. И вполне понятно, что искала тщетно.

— Что, не появлялся? — Этого вопроса, Лера поняла сразу, можно было бы и не задавать: подруга стояла потухшая, стильный букетик невесты валялся на краю вазона с петуниями, а телефон что-то честно повторял неживым электрическим голосом.

Теперь уже стало ясно, что Дима не придет. Надежный как скала и простой, как хлеб, будущий муж растворился в пространстве, оказавшись ничем не лучше предыдущих, не таких надежных и не таких простых (на первый взгляд). Оля поняла, что здесь уже «ловить нечего» и, более того, лучше тихо исчезнуть, чтобы не ввязываться в объяснения со служащими ЗАГСа.

— Так, Лер, пошли отсюда!

— Так надо же сказать... — Подруга потерянно оглянулась.

— Что сказать, Лер? Кому?!

— Ну-у, не знаю... Попросить, чтобы регистрацию на пару часов перенесли...

Голос подруги постепенно становился все увереннее — это ж не вокзал, в конце концов. Мало ли что в жизни случиться может — перенести на пару часов роспись, наверное, проще, чем, скажем, вылет самолета...

— Да что ты несешь, господи?! Пошли скорее отсюда!

Оля схватила несчастный букетик, глянула по сторонам и, не найдя достойной урны, просто бросила его наугад за спину — как это обычно проделывают счастливые невесты в западном кино. Попала она во что-то (или в кого-то) или нет, девушка смотреть не стала.

— Ну вот, — удовлетворенно проговорила неудавшаяся невеста. — Та, кто его поднимет, тоже замуж не выйдет...

— А если мужчина? — робко спросила Лера. — Если мужчина поднимет?

— Ну, значит, и он не выйдет замуж. — Судя по голосу, отчаяние совершенно покинуло Олю, а вот какая-то веселая ярость стала заполнять ее душу.

Лера с некоторым страхом посмотрела на Олю, вернее, на то место, где та стояла только что. Но подруга уже решительно направлялась к дверям, мечтая лишь о том, чтобы покинуть заветное здание до того, как дама-регистраторша начнет выкликать ее фамилию и фамилию ее, как теперь уже было понятно, жениха-труса.

Надо сказать, что Оле это вполне удалось. Дверь захлопнулась не просто с шумом, а с настоящим грохотом. Теплый начинающийся вечер обнял летними лапами, прошептал на ухо, что, в общем, все не так уже и скверно. Легкий стук каблуков подруги за спиной, к счастью, подтвердил, что Оля сейчас не одинока. Оставалось только одно дело, которое нужно было обязательно закончить сегодня, причем прямо сейчас.

— Так, Лерчик, ищем такси!

Лера открыла рот, но ничего не сказала. Уж она-то знала, что подругу в таком состоянии лучше ни о чем не спрашивать. Просто выполнять «ценное указание» и оставаться неподалеку, чтобы «подставить плечо». В случае накладок...

Такси, конечно, искать не стали, воспользовавшись очередной службой онлайн. И уже через четверть часа Оля с Лерой поднимались по ступенькам в меру ухоженного подъезда слегка перестроенной Диминой хрущевки. В первый из немногих визитов Ольги сюда Дима, тогда еще даже не жених, рассказывал, что купил квартиру «буквально за копейки» сразу после реконструкции.

— Оль, а зачем мы сюда приехали?

Лера, конечно, понимала, зачем они приехали к Диминому дому. Ей давным-давно была известна Олина манера всегда все доводить до полной ясности. Но сейчас-то ясность уже наступила и без малейших усилий с их стороны. Можно было бы спокойно (ну, относительно спокойно, конечно) отправиться в кафе, отменить заказ, заплатив какую-то там мзду, и... Что именно еще можно было бы сейчас сделать, Лера додумать не успела — Оля решительно нажала на кнопку звонка.

Но не раздалось ни звука.

— Да что ж такое?!

Оля решительно нажала второй раз — с тем же эффектом. За дверью было не просто тихо, там словно вообще никогда и никто не жил.

— Оля, может, просто звонок испортился, а? А Дима проспал все, что можно...

И Лера робко постучала в дверь.

Но ничего не произошло. Тогда Лера постучала погромче — не костяшками пальцев, а кулаком со всего размаху. Дверь честно ответила грохотом. Но больше ничего не случилось — никто недовольно не распахивал ее, никто не высовывался на лестничную площадку в одной майке и с топором в руках.

Оля хмыкнула — насчет топора это был явный перебор, она бы взяла в руки скальпель... Ну, или пилу для трепанации...

Лера продолжала стучать с прежним успехом, вернее, с полным его отсутствием. Оля, подумав, присоединилась к подруге. Теперь на лестничной клетке стоят такой грохот, что проснулся бы и мертвый. Наконец раздался какой-то скрежет и открылась дверь напротив Диминой.

— А ну пошли вон, хулиганки! — В проеме показалась сухонькая тетка с палкой в руках.

— Ой, извините... — Конечно, так могла отреагировать только Лера. — А вы... вы не знаете, у Димы все в порядке? Скорая не приезжала к нему сегодня?

— Лерка, прекрати, — прошипела Оля. — Что ты городишь? Какая скорая? Он здоров как бык! Разве что психиатрическая...

— Ну вот нет его, может, плохо стало, скорая забрала... — пролепетала подруга.

Из-за двери на подруг насмешливо смотрела старушонка.

— Нет, девушка, к нему сегодня скорая не приезжала. А вот утром раненько приезжал фургончик, да...

— Какой фургончик?

— А такой, на котором обычно мебель доставляют...

— Ну и что? — обернулась к ней Оля.

— Да вот то, красавицы, что хахаль-то ваш ненаглядный все утро вместе с двумя другими амбалами мебель таскал, сумки какие-то. Таскал и на хлопцев покрикивал, мол, шевелитесь, парни.

— Так его ограбили... — прошептала Лера.

— Лерка, ну что ты городишь! Какое «ограбили», если он сам таскал и подгонял грузчиков, — прошипела Оля. — Сбежал он и шмотки забрал... Дешевка.

У старушки-соседки оказался отличный слух.

— Да не просто сбежал, детка... И не один...

— В каком смысле?

— Да в прямом смысле, господи! Не успели эти, с мебелью уехать, является такая фифа — молодая, тощая, длинноногая. И тоже давай в дверь стучать. А чего стучать, коль она и не запертая вовсе стоит — заходи кто хочет... Ох, все я Григорьевне расскажу, как приедет! Ох и достанется вашему Димочке-то...

Несмотря на теплый вечер, Оле стало холодно-холодно. Слова о молодой и длинноногой оказались самыми страшными за весь и без того ужасный сегодняшний день.

— Так что эта длинноногая?

Лера с опаской посмотрела на подругу. Такой Оля становилась перед важными и серьезными операциями — тигрица, не женщина. Слова отрывистые, движения скупые, словно Оля уже и не здесь, с ней, а там, в стерильности операционной, и сосредоточена на будущих своих действиях, тоже точных, скупых и расчетливых.

— Дак я и говорю — затарабанила в дверь, ваш-то и распахивает. И давай на полподъезда кричать, что она б еще дольше ехала. А потом не дал ей даже толком в дом зайти, вытаскивает на площадку огромную сумку дорожную. Фифа что-то ему говорит, а он ей: «Потом разберемся! Шевели лапами, мы и так уже опаздываем...» Она что-то спрашивает, вроде, куда ж они опаздывают, поезд-то вроде вечером, а он ей: «Да шевелись ты, корова! Шевелись, пока меня та дура в ЗАГС не затащила...»

«О господи! — пронеслось в голове у Леры. — Она сейчас в обморок упадет...»

Но Оля никуда падать не собиралась. Веселая злость, которая переполняла ее, куда-то делась, а злость самая обычная, злость на себя, разлилась по всему телу...

— А что мне передать-то вашему хахалю, если появится? — старушка с удовольствием сыпала горстями соль на свежую рану. И явно наслаждалась произведенным эффектом.

— Скажите ему, бабушка, что приходила «та дура». Просила передать, что анализы у него плохие... Жить мало ему осталось...

И Олины каблуки простучали вниз по не самой чистой в мире лестнице. Лера поспешила следом, в душе страшно жалея свою невезучую подругу и придумывая, как ее теперь в себя приводить.

А заодно уж прикидывала, где бы найти Оле по-настоящему достойного спутника жизни. Да и себе заодно...

Глава четвертая

Здесь мы опять ненадолго прервем историю, чтобы сказать еще несколько слов о Лере. Как уже понятно, она в паре с Олей — ведомая. Оля всегда следила за ее поклонниками, свободным временем. Таскала на разные тренинги и лекции, даже как-то до художников добралась — те изучали анатомию для точного изображения тела, а кто лучше врачей эту анатомию знает?

Сама же Лера почти всегда с удовольствием слушалась подругу. Она понимала, что та уж как может, но желает ей добра. И почти всегда Олины суждения оказывались совершенно правильными, оценки — более точными, а в характере людей она разбиралась куда лучше подруги.

А Лере, несмотря на прагматичность профессии, все же нравились всевозможные «дурацкие чудеса» (как это называла Оля) — астрология, нумерология... Возможно, из-за своей специализации она не могла смотреть на мир так прямолинейно, как подруга, всегда оставляла возможность чуда, спасительного «а вдруг». Признавала, что есть в мире и некие силы и некие знания, до которых пока что человечество не доросло или в процессе своего роста отвергло, не задумываясь о глубинных смыслах этих знаний и сил.

К примеру, Леру всегда манили практики, обещавшие раскрытие потенциалов, которые заложены где-то в глубине человеческого существа. Она всерьез была уверена, что в гаданиях, предсказаниях, медитациях и ритуалах есть существенное зерно. Что «настоящие предсказательницы» и в самом деле могут предсказать, что «настоящие ведуньи» — излечить, что «подлинные астрологи» — указать верный путь. Надо только найти этих подлинных и настоящих.

И в подобных поисках Лера тратила немало времени и достаточно сил. Проникалась верой, откладывала из зарплаты, чтобы погрузиться в очередной тренинг. А потом приходила Оля и читала в описаниях очередного тренинга, к примеру, такое:

— «...Возвращаясь в прошлое, мы имеем возможность практически буквально пересоздать себя, изменив глубинное самоощущение, опираясь на аутентичные ресурсы. Этому способствуют проработка

травм и присвоение сокровищ души, которые раньше не были замечены...»

В голосе подруги Лере чувствовалась даже не насмешка, а настоящая издевка. Она уже готова была броситься на защиту своего очередного увлечения, но подруга не унималась:

— «...Погружение в волшебный и прекрасный мир познания и удивительных открытий для истосковавшейся женской души — это путь к пробуждению таинственной женской силы, прикосновению к истинной женственности...» И все с большой буквы. Ну еще бы, сакральные же символы. А, вот тут просто классно: «Благодаря внутренней работе преобразуется ваша жизнь, вы начинаете видеть мир иначе, люди становятся другими. С какой-то точки зрения ничего не меняется, но с вашей точки зрения меняется все...»

— Олька, прекрати!

— Лер, ты чего? Это ж настоящая находка, сокровище, а не тренинг. Только послушай: «...женщины просят помощи у психотерапевта ради того, чтобы научиться быть главными героинями, ведущими действующими лицами в истории своей жизни. Для этого им нужно принимать сознательные решения, которые и определяют их жизнь...» А вот еще: «...вследствие их бинарной природы действует первый закон диалектики Гегеля — единства и борьбы противоположностей, а значит имеет место быть сменяемость проявлений полюсов, то есть чередование...» Ой, не могу, послушай: «...Оригинальная комбинация методов диагностики сознания и бессознательного в сопровождении опытных психологов позволит совершить головокружительное путешествие в свой внутренний мир, открывающее новые горизонты и дарующее надежду на будущее вашей мечты!..»

Голос Оли прямо зазвенел. Лере показалось, что на секунду лицо подруги стало одухотворенным, возвышенно-прекрасным. Но впечатление мгновенно пропало — Оля расхохоталась так, что даже слезы на глазах выступили.

— Оль, ну ты чего?

— Лерка, это просто прекрасно! И сколько стоит такая «оригинальная комбинация методов диагностики сознания и бессознательного в сопровождении опытных психологов»? — Оля скользнула взглядом к последним строчкам. — Всего-то? Всего три твои зарплаты в месяц?

— Ну да, дороговато. Но все-таки интереснейший курс...

— Лер, рыбка моя, да это же мошенники! Шарлатаны стоцентные. Вспомни нашего препода по психологии! По нему же самому психушка не просто плакала — горько рыдала!

Лера сердито посмотрела на подругу и протянула руку, чтобы отобрать листки с распечаткой. Оля в чем-то была права — препода был совершенно безумный, даже с самой «альтернативной» точки зрения. И студенты, и его коллеги уже не один год удивлялись тому, как он еще держится на своем месте. И да, тут Оля тоже не соврала, на лекциях он нес примерно такое же, даже еще более возвышенно-непонятное. Но так сразу сдаваться — нет. Это было не в Лерином духе. Она открыла было рот, чтобы возразить, но Оля, оказывается, только начала.

— О, а вот и отзывы... Ну-ка, что пишет... э-э-э... мужчина с ником Врачеватель... О господи... «Тема архетепической тени и архетипа Каина отозвалась во мне своей масштабностью и актуальностью. Где-то за кулисами своего сознательного я провел параллели со своей мыслью, что в последнее время коллективное бессознательное, а именно архетипическая тень как продукт филогенеза, проникает в “коллективное сознательное” нации. На мой взгляд, самое время задаться вопросом — не выпустили ли мы джинна из лампы?»

Лера пожалала плечами — ну и что тут непонятного? Но вслух не сказала ни слова, она видела, что подругу «несет», и решила просто дать ей выговориться, а потом уже возражать... Ну или просто кивнуть, все равно ж самой решение принимать.

— Да он еще и безграмотный, этот Врачеватель... Лерка, за такие бабки такая чушь.

— Ты не права, Оль, надо же глубже вникнуть в то, что человек ощутил.

— Ну предположим, я не в силах вникнуть в ЭТО. А вот другой человек. Дама на этот раз. Ты только послушай! «Перед началом проекта я была в некотором предвкушении чего-то очень важного, судьбоносного, того, что мне даст силы жить и радоваться жизни. И я не ошиблась. Интуиция меня не подвела. Семь месяцев — как одно дыхание, но при этом очень глубокое, на полную грудь, временами пьянящее, а временами перехватывающее дыхание от нехватки сил сделать следующий вдох и выдох». Дыхание,

перехватывающее дыхание и не дающее сделать... Эти дебилы обоего пола что, не знают, что дыхание — рефлекс бессознательный?

— Олечка, это же в переносном смысле слова! Ты подумай, как глубоко человек прочувствовал свое преобразование...

— Лер, ты, конечно, можешь поступать как знаешь. Но я бы на твоём месте деньги на что-то разумное пустила. Ну, или на карточку бы положила, пусть проценты накопятся. Тебе и диван пора менять, и в кухне шторы.

Лера, конечно, подругу тогда послушала, но время от времени даже стала подумывать, что надо бы сменить профессию, раз уж психологи такие деньги гребут... Ну вряд ли они все шарлатаны. Она бы, Лера, точно работала бы с каждым пациентом на совесть!

Хотя во многом другом Лера была на удивление разумным, даже прагматичным человеком. А уж о её профессионализме стоило бы рассказать отдельно, но не здесь. Да, как инфекционист она ни дня не работала, но в лаборатории была просто королевой — подчиненные её обожали, анализы делались быстро и не нуждались в проверках, настолько качественно и ответственно трудились Лерины коллеги.

К тому же она была отличной хозяйкой — вкусно и умело готовила, чему научилась у прабабушки, недурно вязала, шила и даже вышивала, утверждая, что это тренирует её мозг. А ещё у Леры всегда дом был полон домашних животных: родители обожали все живое, подбирали котят и щенят, лечили крылья выпавшим из гнезда птенцам. Больше десяти лет назад Лере повезло обзавестись своей квартирой, в соседнем с родительским доме (бабушка забрала её к себе, чтобы потом квартира досталась любимой внучке). Но в её отношении к животным не изменилось ничего — она все так же подбирала и врачевала все живое. Нынче в её квартире чувствовали себя полновластными хозяевами огромный рыжий кот Маркиз и роскошная Дези — удивительный гибрид, вероятно, алабая и пуделя.

Оба имели одинаковое происхождение — мусорник во дворе родителей Леры. Кота крошечным котеночком нашел Лерин отец: услышал крик из завязанного мусорного пакета. А Дези, смешного белого щенка с двумя рыжими пятнами на боку, кто-то привязал к дверце мусорного бака.

Переехав, Лера забрала обоих с собой. С Дези она гуляла в близлежащем скверике, где, конечно, все собачники друг друга

знали. А вот Маркиз отказывался покидать квартиру категорически. Даже специально для него установленные на балконе сетки-антикошки не могли убедить вальяжного лохматого красавца покинуть любимую лежанку и перебраться на свежий воздух (как Лера его ни уговаривала, рассказывая о полезности свежего воздуха и солнечного света для всех живущих, хоть двуногих, хоть четвероногих).

Лерино описание осталось дополнить ее портретом. Невысокая, за полтора десятка лет после окончания института она почти не изменилась, даже прическа была все та же — пышные пепельные волосы свободно уложены на затылке. Лера была очень мила и в институте имела немало поклонников. Некоторые из них питали самые смелые надежды, и их намерения были вполне серьезны.

Лера знакомила всех своих друзей и поклонников с родителями, но собственной семьей обзаводиться не спешила. Даже если она и видела в очередном воздыхателе достаточно убедительный вариант для создания семьи, то отказывалась от любых намерений после очередного совещания с Олей.

Конечно, Оля не могла не участвовать в Лериной судьбе. Как же можно отдать лучшую подругу очередному негодяю?! Уж Оля-то видела истинные намерения всех Лериных поклонников так же ясно, как видна в прозрачном пруду ярко-красная рыбка.

Кінець безкоштовного уривку. Щоби читати далі, придбайте, будь ласка, повну версію книги.

ridmi
ТВІЙ УЛЮБЛЕНИЙ КНИЖКОВИЙ

КУПИТИ